

НЕНОРМАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССАХ СЕМАНТИЗАЦИИ КАК КОГНИТИВНО-ДЕСКРИПТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

У. М. Трофимова

NON-NORMATIVE VARIABILITY IN PROCESSES OF SEMANTIZATION AS A COGNITIVE-DESCRIPTIVE PHENOMENON

U. M. Trofimova

В статье различные сбои в процессах семантизации слов носителями языка рассматриваются через призму скоординированности когнитивных и дескриптивных процессов в речевой деятельности индивида. На материале психолингвистического эксперимента описываются факторы, влияющие на успешность семантизации.

The article presents the results of the psycholinguistic experiment: 50 adult Russian native speakers were asked to give their interpretation of 65 somatisms. It is an attempt to establish the correlation between an individual's descriptive potentions and their principles of the outside world categorization.

Ключевые слова: естественная семантизация, когнитивные процессы, дескриптивные процессы, метаязык толкования.

Keywords: natural semantization, cognitive processes, descriptive processes, metalanguage of definition.

Под *семантизацией* в данной статье понимается результат выявления индивидом значения слова. Интуитивная (возможны варианты *стихийная* по аналогии, например, со стихийной орфографией Н. Д. Голева, или *естественная* по аналогии с естественной письменной речью Н. Б. Лебедевой) семантизация – один из способов интерпретации носителем языка психического значения слова. Интересующее нас явление обнаруживает сходство с письменной речью в презумпции нормативности. Поэтому даже в психолингвистических исследованиях интуитивная (спонтанная) дефиниция используются как объективный инструмент измерения расстояния между значениями слов (например, [6, 7] и мн. др.). Как правило, вопрос о том, насколько метод спонтанных толкований является достоверным способом установления близости слов в лексиконе, даже не ставится.

Несомненным достоинством антропоцентризма как черты современной лингвистической парадигмы является интерес к проявлению человеческого фактора в языке, что, в частности, реализуется в смещении акцента внимания на «отрицательный языковой материал». В статье мы пытаемся рассмотреть ненормативную вариативность в процессах семантизации как отражающую, с одной стороны, общие тенденции «профанных» метаязыковых суждений, с другой – раскоординированность когнитивных и дескриптивных процессов.

Семантизации (или толкования), а также лексикографическая деятельность, направленная на их создание, являются традиционным предметом дискуссий в лексической семантике. Операциональные дефиниции традиционных толковых словарей, например «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, неоднократно становились объектом критики в лингвистике последних лет (характерные недостатки словарных определений суммированы, например, в статье Н. З. Котеловой [5]). Именно в стремлении преодолеть несовершенство традиционных словарей сформировались основные положения Московской семантической школы.

Толкование слова является продуктом когнитивной деятельности индивида, в ходе которой очерчи-

ваются границы понятия и выявляются его значимые признаки. С другой стороны, в процессе семантизации перед лексикографом стоит задача формирования метаязыка толкования и его синтаксиса (или стратегии) как факторов системного подхода к описанию лексики.

В лексикографии актуальным признается вопрос о значимости для носителя языка тех или иных признаков понятия. Так, по мнению Л. В. Щербы, в нормативном словаре интерпретация смысла лексемы должна соответствовать представлению об объекте «наивного» носителя языка. Например, слово *прямая* Лев Владимирович предлагал толковать как ‘линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)’ [13]. В дефинициях словаря должна отражаться наивная картина мира носителя языка [1].

Исследования способов категоризации как принципов объединения объектов на основе значимых признаков у взрослых реципиентов показало, что для них не характерно строить классификации, основанные на родовидовом принципе (логический навык, большинством приобретаемый в раннем детстве). Гораздо более актуальна прагматическая интерпретация объектов [10], особенно артефактов. В таком случае «необходимым и достаточным» будет являться функциональный признак слова (ср. толкование А. Вежбицкой слова *лодка* как ‘рода объектов, изготавливаемых для передвижения по воде’ [2, с. 202]). В современной семантике описана корреляция между типами объектов и значимыми для них признаками [2], следовательно, вопрос о «необходимых и достаточных» признаках дефиниции хотя бы отчасти решен.

Совершенно иное отношение в системной лексикографии к метаязыку словаря. Существует несколько подходов, однако ни в одном из них не ставится вопрос о *психической адекватности* метаязыка и синтаксиса толкования. Объясняется это, по-видимому, тем, что продукт метаязыковой деятельности считается искусственным образованием, отсюда метаязыковая вариативность мотивируется исключительно лингвистическими установками исследователя (грамотностью носителя языка) и является *вторичной* по

отношению к когнитивным процессам. Иначе говоря, однажды овладев навыками толкования, далее можно без затруднений их использовать при интерпретации значения.

Принято полагать, что метасемантические процессы формируются уже к 5 – 6 годам (по данным [9]): от эллиптических дефиниций в форме инфинитива или конструкции *‘потому что...’*, *‘чтобы...’* через формирование прообраза родового понятия – *‘то, что...’*, *‘тот, кто ...’*, наконец, к 5 – 6 годам в детских ответах появляется полноценная дефиниция: *‘...– это такой/такая ...’*. Собранный А. Д. Палкиным материал показывает, что в возрасте 11 – 12 лет школьники уже владеют разнообразными способами семантизации, уместно употребляя тот или иной ее вид [12, с. 110 – 119].

Однако результаты подобного эксперимента, проведенного на взрослых носителях языка, а именно – студентах педагогического вуза – не только не демонстрируют большую лингвистическую компетенцию реципиентов, но, напротив, значительную долю неточных, ошибочных или даже абсурдных толкований.

Ниже будет комментироваться экспериментальный материал, полученный методом интуитивной семантизации от студентов различных факультетов Бийского педагогического университета. В качестве стимулов выступили лексические единицы, номинирующие части человеческого тела, и слова, так или иначе семантически связанные с ними, прежде всего глагольная лексика; особое место в выборке уделялось узкозначным единицам, обеспечивающим системную выделенность соматизмов. В качестве дополнительных примеров используется материал других исследователей, полученный также методом спонтанной дефиниции.

Рассмотрим последовательно различные варианты «ошибочных» реакций носителей языка. Разумеется, некоторые случаи ошибок в толковании объясняются **отсутствием соответствующей единицы в лексиконе носителя языка**. Например, семантизации информантами слова *сервер* как ‘человек, живущий в северной части страны’ или ‘человек, который работает в сервисе’, *виртуальный* – ‘это, может быть, мир, который вертится’ (примеры Е. В. Какориной [3]) указывают на неосвоенность слова, что по отношению к иноязычным новообразованиям ожидаемо. Подобная ситуация складывается при толковании архаической лексики – во всех случаях агноним толкуется с опорой на форму. Здесь, кстати, не проявляется закономерность, установленная физиологами, о различии в работе нейронов при восприятии слова родного языка, квазислова родного языка и слова иностранного языка [8, с. 171]: стратегии толкования заимствованных и архаических агнонимов идентичны, кроме того, носитель языка легко маркирует заимствованное слово как архаизм и наоборот (результаты дипломной работы О. Н. Рехтиной, 2011).

Более удивительным представляется неосвоенность исконно русских слов, описывающих части тела. Отказы в эксперименте получили табуированные (*сосок, лобок, пах, ляжка*) и некоторые малочастотные (*кадык, талия, запястье, лодыжка*) соматизмы,

причем если первые маркировались пропуском, то вторые – ответом ‘не знаю’. Невладение этими словами эксплицировано и в реакциях: *талиа* – ‘что-то женское, наверное’, *кадык* – ‘живот’, ‘небольшой отросток в виде язычка колокола, находится в ротовой полости, в глотке’, *ключица* – ‘на спине’, ‘где-то на спине, наверное’. Неожиданно, однако вполне объяснимо, были получены отказы на слова типа *бросать, кидать*: встроенные в именную ряд они не были восприняты носителями языка, что в очередной раз подтверждает синтагматическую обусловленность восприятия слов. Целый ряд узкозначных слов также были неверно интерпретированы: *окладистый* – ‘приветливый’, ‘хороший’, ‘послушный’, ‘хороший характер’, ‘положительный’ (по аналогии с *покладистым*); ‘получающий большую зарплату’, ‘богатый’, ‘много окладов в банке’; *смежить* – ‘сравнить’, ‘измерить’, ‘находить сходства’; *насулить* – ‘налив супа’ (неправильно этимологизируя слово); *уткнуть* – ‘указать на что-л.’, ‘ткнуть в недоделанное’ (по аналогии с *ткнуть*) и т. д. Не исключено, что такого рода реакции проявляют в эксперименте языковую игру реципиентов.

В целом, однозначный отказ для этой группы слов малохарактерен: по всей видимости, в таких известных семантических областях, как части тела, так или иначе маркируются все единицы.

Другой тип ошибок может объясняться **невладением объемом значения** слова. Многие узкозначные слова были охарактеризованы без учета их денотативной фиксированности: *дрыгать* – ‘дергать чем-л.’, ‘шевелиться, делать движения чем-л.’, ‘трясти чем-л.’, ‘смотря чем’; *ерошить* – ‘приводить в беспорядок’, ‘наводить беспорядок в холодильнике’, ‘ставить в непривычное положение’, ‘будоражить воображение’, ‘смотря что’; *смежить* – ‘соединить’, ‘прикрыть’, ‘закрыть’; *клацать* – ‘стучать’, ‘издавать какие-либо звуки’; *расквасить* – ‘разбить’; *пинать* – ‘сдвинуть с места что-л.’; *лакать* – ‘пить’ и т. д. К слову заметим, что в семантизациях информантов проявляется тенденция к расширению объема значения узкозначного слова, также как и к сужению широкозначного. В целом, представленность ошибок такого типа зависит от степени лексической компетенции информанта. Естественно, что студенты-филологи допускали их значительно реже, чем студенты других факультетов.

Таким образом, оба типа описанных «сбоев» в эксперименте имеют когнитивные причины. Однако существуют и «ошибки» другого рода.

Несомненно, информанты проявляют различную **степень владения метаязыковыми навыками**, тем не менее, представление о дефиниции имеется практически у всех. Вопреки предполагаемому, в ответах взрослых информантов проявились все формы детской дефиниции: *рот* – ‘чем говорим и едим’, *ухо* – ‘чем слышим’, *челюсть* – ‘чем жуем’, *талиа* – ‘за что обнимаем’, *пятка* – ‘на что наступаем’, *зад* – ‘на чем сидим’, *глаз* – ‘тем, чем смотрим’, *ухо* – ‘то, чем слышим’, *грудь* – ‘там находятся соски’, *живот* – ‘там где есть пупок’, *висок* – ‘куда показывают ...’, *грудь* – ‘это то, что ниже шеи’, *губа* – ‘бывает верхняя и нижняя’.

Идентифицирующий признак либо опускается вовсе, либо заменяется дейксисом. Можно было бы предположить несформированность представлений о толковании слова, однако такая семантизация нередко соседствует в анкете с «нормативной». Более того, этот тип толкований совмещается только с функциональной или пространственной категоризацией – основными для частей человеческого тела, т. е. когнитивные и метаязыковые процессы находятся в отношениях дополнительности.

Сходные неточности обнаруживаются и в противоположном случае, когда достаточным для информанта оказывается идентифицирующий признак, осуществляющий пространственную локализацию через другую часть тела: *щека* – ‘часть лица’, *стопа* – ‘часть ноги’, *талия* – ‘часть туловища’, *бедро* – ‘отдел таза’, *ладонь* – ‘часть кисти’, *ноздры* – ‘часть носа’, *мочка* – ‘часть уха’, *лицо* – ‘голова’, *поясница* – ‘спина’. Семантизируя слово, информант ограничивается ориентирующим признаком, придавая, таким образом, стимулу статус прототипической части *лица*, *ноги*, *туловища* и т. д. Объясняется это самой ситуацией эксперимента, где ответ функционально не востребован, в результате чего носитель языка реагирует стимулом «для себя». В игровой ситуации, где от участника требовалось опознать слово по спонтанному толкованию партнера, давались толкования только первого типа: *вентилятор* – Для... чтоб воздух дунул; *ваза* – хрустальная, фарфоровая; от цветов, для растений; *гитара* – электрическая/акустическая; шестиструнная/семиструнная и т. д.

Наибольшее количество ошибок и неточностей связано с **отсутствием скоординированности когнитивной и дескриптивной деятельности индивида**. В этом случае информант знает слово, знаком он в целом и с принципами семантизации, однако процессы эти не скоординированы между собой.

Например, слово *затылок* семантизируется как ‘задняя часть лба’. В качестве идентифицирующего признака, «псевдоцелого» называется *лоб*, который этим же информантом верно истолковывается как ‘передняя часть головы’. Появление данной лексемы в семантизации связано с антонимическими отношениями слов *затылок* – *лоб* (противопоставление реализует пространственную оппозицию). В качестве модифицирующего признака назван *задний*, как наиболее «сильный», реализующий опять же пространственное расположение. Именно это категория оказывается доминирующей для восприятия слова *затылок*. Информант реализовал наиболее значимые признаки: ориентир – *лоб*, расположение относительно него – *задний*. Однако вписал эти признаки в типичную для толкования частей тела конструкцию: ‘пространственный признак + часть + (часть тела – целое)’. Ошибочной оказывается позиция метаслова *часть*. Можно привести целый ряд подобных примеров: *ребро* – ‘передняя часть руки’, *бок* – ‘боковая часть живота’, *щека* – ‘часть рта’ и т. д.). Во всех случаях в дефиницию включается слово, ассоциативно связанное со стимулом, ему и приписываются свойства целого.

Рассмотрим другой случай проявления раскоординированности метаязыковых и когнитивных про-

цессов. Слово *макушка* толкуется испытуемым как ‘верхний отдел головы’. Информант использует метаслово, не совместимое с точностью семантизируемого объекта. Вообще десемантизация метаслов – частотное явление в эксперименте. Носители языка имеют представление о том, что в толкованиях используются слова высокой степени абстракции – метаслова, и активно включают их в дефиницию (*макушка* – часть, отдел; *бок* – вид плоскости, *рука* – хватательный орган), однако несколько деформируя их значения. Метаслово в этих случаях оказывается исключительно **маркером принципа категоризации**.

Информанты допускают свободное использование предлогов: *в* в значении *на* (пупок – находится *в* животе), *между* в «объемном», а не «плоскостном» смысле (*бок* – ‘часть тела *между* спиной и грудью’), включение *в/исключение* из дескриптивной зоны крайних точек в конструкциях ‘от... – до...’ (*туловище* – ‘часть тела *от* головы *до* ног’), ‘между ... и ...’ (*туловище* – ‘между головой и тазом’) и т. д.

При семантизации соматизма через части (реже целое) могут происходить процессы редукции сем: *туловище* – ‘человек без головы’; *кисть* – ‘часть руки, состоящая из ладони и пальцев’; *стопа* – ‘пятка и пальцы ноги’; *голова* – ‘это то, что на ней находится, такие части тела, как нос, глаз, губы, уши, мозги, волосы, зубы, язык’. Несмотря на то, что в толковании *туловища* область денотата шире нормативного, речь идет не о наращении, а о редукции сем отрицательного характера. Слово *туловище* вообще, как правило, семантизируется неверно: ‘это все тело человека’ (нормативное толкование ‘тело человека или животного (исключая голову и конечности)’). Данное понятие само по себе символизирует раскоординированность когнитивных и номинативных явлений, поскольку «для человека привычно с помощью слова выделять объекты внешнего мира на положительной основе» [11, с. 51].

Итак, в метаязыковых процессах отражаются свойства дескриптивной деятельности человека. Тавтологии, содержательный эллипсис, дейктичность и десемантизация метаслов и прочее – элементы разговорной речи – активно используются в метаязыковых конструкциях. На наш взгляд, онтологию этих явлений следует искать в раскоординированности когнитивных и дескриптивных процессов. В основе профессиональной метаязыковой деятельности лежат различного рода логические классификации (отношения по принципу «выше-ниже»). «Профанные» семантизации опираются на установление тождества, смысловой соотнесенности между любыми двумя элементами и для «наивного» носителя языка наиболее органичными будут синонимичные толкования, в позиции синонима в них выступает ассоциативно связанное со стимулом слово. Таким образом, в ходе естественной семантизации не происходит переход на иной уровень обобщения, а метаслово является только маркером принципа категоризации.

Когнитивные и дескриптивные процессы вступают в сложные и противоречивые отношения, являясь в различных ситуациях (порождение/восприятие текста, «для себя» / «для других», профессиональная / профанная метаязыковая деятельность, семантика/

синтаксис и т. д.) дестабилизирующим фактором друг для друга.

Процессы раскоординированности между явлениями разных систем не ограничиваются сферой семантизаций. Инерция отдельной из систем антиномии

имеет место во всех случаях, когда человек больше думает, чем выражает свои мысли (и наоборот), осваивает новое «для себя» или «для других» когнитивное пространство.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 464 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Какорина, Е. В. Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) / Е. В. Какорина // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 137 – 156.
4. Караулов, Ю. Н. Словарь как компонент описания языков / Ю. Н. Караулов // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 313 – 340.
5. Котелова, Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) / Н. З. Котелова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 48 – 63.
6. Крисанова, И. В. Полисемия и омонимия в восприятии разновозрастных носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Крисанова. – Кемерово, 2003. – 22 с.
7. Лебедева, С. В. Синонимы или проксонимы? / С. В. Лебедева. – Курск: Курский гос. пед ун-т, 2002. – 202 с.
8. Медведев, С. В. Что знает наука о мозге / С. В. Медведев // Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.
9. Палкин, А. Д. Возрастная психоллингвистика: толковый словарь русского языка глазами детей / А. Д. Палкин. – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 362 с.
10. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина [и др.]. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
11. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 321 с.
12. Шамис, Е. М. Особенности дефиниций значений слов в дошкольном возрасте (на примере имен существительных и местоимений) / Е. М. Шамис // Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком. – М., 2000.
13. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Известия АН СССР. – 1940. – № 3.

Информация об авторе:

Трофимова Ульяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, 89059861627, umt2005@rambler.ru.

Trofimova Uliana Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department of V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.